

Писатель Борис Васильев полагает, что древнее деление женщин на матерей и «гетер» и ныне актуально

Перебираю в памяти все книги Бориса Васильева, прочитанные мною в разные годы, и перед глазами выстраивается целая галерея его героинь. От девятиклассницы Вики — наивной девочки с трагической судьбой («Завтра была война») до немудреной Вальки, взявшей под свою опеку никому не нужных стариков («Вы чье, старичье»). От строгой, чистоплотной максималистки-интеллигентки Нонны Юрьевны из повести «Не стреляйте в белых лебедей» до Нади из «Гибели богинь» — падшего ангела, «отмытого от грехов» в чистой любви. И, конечно, ставшая уже классической пятерка девушек из «Зорь»: Рита, Женя, Галка-Четвертак, Соня, Лиза. Какое разнообразие характеров, темпераментов, какое богатство душевных оттенков... Вот же она — тема для разговора с Васильевым!

— Раскройте секрет, Борис Львович, откуда вы так хорошо знаете женскую психологию, женский нрав, женские слабости?

— Мне повезло: я воспитывался в семье, и перед глазами у меня стояли два женских примера: мама и бабушка. Они были на редкость разными: очень сдержанная, в чем-то даже суровая мама, наделенная редким трудолюбием и терпением, и удивительная, до глубокой старости сохранившая живость девушки и поразительную женственность ба-

бушка. А в целом вся семья жила восхищениями: отец преклонялся перед целеустремленностью, маме — перед трудолюбием и порядочностью, бабушка восторженно воспринимала литературу и искусство. Она была человеком повышенной эмоциональности и, к великому моему счастью, вовремя пробудила эту эмоциональность и во мне. А то, что заложено в детстве, не поддается коррозии, а только известной корректировке.

Когда вам с детства внушают, что женщина — высшее

творение миллионлетней человеческой культуры, то это — на всю жизнь. Почему высшее? Да потому, что женщина, выйдя вместе с мужчиной из природы, унесла ее с собой, поскольку именно она — и только она! — продолжает род человеческий, существуя по лунному календарю. Она могущественна и беззащитна, как сама природа, что и определяет известную двойственность ее характера, а тысячелетний диктат мужчины, который, увы, продолжается и сейчас, провел ее через беспощадную школу естественного отбора — через полигамную, то есть по сути гаремную, форму брака. Отсюда извечная борьба женщины за первый ряд: кокетство, наряды, украшения, раскраска, редкая наблюдательность, лукавство, чрезмерное внимание к мелочам. Ум ее более изощрен, нежели мужской, более практичен, и, если женщины не умнее нас, то, как правило, куда мудрее, особенно с возрастом. Память их глубже мужской, а сила воли нередко затмевает мужскую, особенно в достижении чисто женских целей, из которых главное — создание и сохранение семьи. Проще говоря, если каждый честолюбивый мужчина (а честолюбие — важнейший фактор общественного развития) мечтает, условно

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

говоря, убить мамонта, то каждая женщина мечтает завладеть мужчиной, который убил мамонта. В большинстве случаев женщины играют первую скрипку в любви, что и отмечено в прекрасном библейском мифе об искушении Евы. Но скрипка — инструмент тонкий, и многочисленные исковерканные женские судьбы — на совести мужчин.

— Вы любите своих героинь — это чувствуется во всем. Но кто из них все-таки ближе вашему идеалу? Каков он, ваш идеал женщины? Отвечает ли ему выбранная на всю жизнь спутница — ваша жена Зоя Альбертовна?

— Ничего идеального в мире не существует, а есть лишь стремление к идеалу. Ни мадам Бовари, ни Наташа Ростова, ни Скарлетт О'Хара, ни Аксинья (наиболее полнокровный образ русской женщины) не являются идеальными. Накануне первой мировой войны австрийский студент Отто Вейнинггер написал единственную работу «Пол и характер», чрезвычайно популярную в России. В ней он доказывал, что «сто процентных» мужчин и женщин не бывает и быть не может: в каждом мужчине есть доля женского характера, равно как и в каждой женщине — доля мужского. А потому идеальной (в известном приближении) может быть только семья, в которой обе стороны взаимно дополняют друг друга.

На основании собственной семейной жизни длиной в 48 лет смею утверждать, что Отто Вейнинггер прав: моя жена восполняет мою женственность так же, как я восполняю ее мужественность. Такая притирка друг к другу требует терпения, такта, взаимных уступок и понимания стрелений друг друга. Мы добрых десять лет жили на 90-рублевую зарплату жены, отказывая себе во всем, пока я не написал свою первую повесть «А зори здесь тихие». И я более всего ценю в женщине умение понять своего избранника, терпеть его отчаяние, прощать его срывы. Многие из моих героинь наделены чертами характера моей жены, но в наибольшей степени это Искра из «Завтра была война» — ее сразу узнали наши друзья.

— В чем, по-вашему, должно выражаться сегодня гражданское самосознание женщины? Как вы относитесь, например, к не в меру политизированным женщинам?

— В смутное время, когда нарушается стабильный уклад жизни (с Россией это происходит уже в четвертый раз), вся

тяжесть обрушивается в первую очередь на женщин, поскольку женщина всегда — страдающий субъект истории собственного народа.

Женщина начинает испытывать стох перед непредсказуемостью событий, страх за само существование семьи, страх за мужа, который может потерять работу, за сына, которого могут убить, за дочь, над которой могут надругаться. Девушки переживают психологический дискомфорт, поскольку вдруг начинают ощущать себя добычей. Появляется неуверенность в завтрашнем дне и подсознательная тревога за свою будущность — за вложенную природой программу создания прочной семьи.

Таков фон, на котором вынуждена действовать женщина (жизнь — всегда действие). События раскалывают не только общество, но и семью. Личное понимание нравственности в условиях ее обвального крушения опирается только на тот фундамент, который заложен в семейном воспитании. Между тем как раз семейного воспитания большинство наших женщин не получило. И по причинам экономическим (при советской власти практически не существовало семей, которые мог содержать только отец: работала и мать), и по причинам идеологическим — разгром традиционной народной школы нравственности в лице церкви. Вместо этого столь свойственного не только России, но и всем иным странам института передачи нравственных начал из поколения в поколение, повсеместно господствовала государственная, насквозь идеологизированная и приспособленная для коллективного воздействия система казарменной муштры. Она лишала человека права личного выбора — он не мог изменить даже место жительства, а ведь гражданин — это прежде всего свободный человек. Сегодня мы в подавляющем большинстве пока еще ощущаем только волю, но отнюдь не свободу, и до гражданского чувства нам еще расти и расти. И в этом смысле и женщины, увы, не являющиеся исключением. По моему мнению, их гражданственность сегодня должна прежде всего проявляться в рамках собственной семьи.

Мы часто помним слова Некрасова о русской женщине: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Все правильно, только ведь тот же Некрасов видел ее и с другой

стороны: «Три тяжкие доли имела судьба. И первая доля: с рабом повенчаться, вторая — быть матерью сына раба, а третья — до гроба рабу покоряться». Обе эти ипостаси равно свойственны женщинам: готовность к самопожертвованию одновременно с безграничной покорностью. И если первая читается в известной мере относительно к нашему вопросу о гражданском лице женщины, то вторая, как мне кажется, может прояснить ответ на вопрос о не в меру политизированных женщинах.

Эмансипация в России носила ярко выраженный агрессивный характер, являясь, скорее, способом самоутверждения, нежели общественным движением за

равные права. Кроме того, женщина куда более консервативна, нежели мужчина: она прежде всего стремится сохранить статус-кво, тогда как мужчина более склонен к разрушению. Форма женского протеста всегда категорична, доводов она слушать не любит, а несогласие в силу повышенной эмоциональности легко переводит в неприятие. Однако все это для меня восполняется искренностью порыва, и, не соглашаясь с многими яростно политизированными дамами по сути, я отношусь к ним все-таки с большей симпатией, нежели к лукавым политикам мужского рода.

— Ваши героини всегда женственны, даже если внешне огрубели. Как правило, они добры, честны, порядочны. Ваши девушки наивны и чисты. А что вы скажете о сегодняшних женщинах, девушках, девочках, о прагматичном, потребительском отношении многих из них к жизни, к людям, к любви? Вы так высоко поставили женщину, можно даже сказать, подняли на пьедестал — не упала ли она теперь в ваших глазах?

— Прежде чем говорить о современных молодых женщинах, девушках и даже девочках, я хотел бы вспомнить один библейский миф.

Суть в том, что Бог создал для мужчин и двух женщин: первую — из праха, о чем говорится в главе 1, стих 27. И вторую — из ребра мужчины (глава 2, стих 22). Зачем же понадобилось создание второй женщины (Евы) из ребра первого? Посмотрите, как усложняется миф во второй главе. Стих 23: «И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей. Она будет называться женою...» О первой женщине так не говорил ни Адам, ни сам Бог. Бог только сказал: «Плодитесь и размножайтесь... Я дам вам всякую траву... и всякое дере-

во, у которого есть плод...» То есть Бог ничем не выделял Адама и первую женщину среди иных животных. Он умолчал о знании и о труде. Зато, когда речь зашла о Еве, названной Адамом женою, сказано: «Только плодов дерева, которое среди рая, не ешьте...» А змий пояснил: «В тот день, когда вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».

Обе эти женщины, что любопытно, никуда не делись из нашей жизни. Они продолжают существовать, что отмечали еще древние, деля женщин на «матерей» и «гетер». Первые (Евы) есть предмет любви и

Во-вторых, разгром семьи и церкви преврал естественное воспроизводство нравственности, основанное на передаче ее постулатов конкретному ребенку, а не поколению вообще.

Советская система коллективного воспитания исключала личность с ее неповторимыми индивидуальными особенностями, всячески поощряя идеологическую, узко классовую нравственность — нравственность государства, то есть нравственность, отделенную от личности. Общечеловеческая нравственность исчезла из нашей общественной жизни, заменившись единой формулой: нравственно то, что полезно государству в данный момент. Приоритет государственной пользы затмил в конце концов моральные основы человека, постепенно превратившись в неписаный закон, нравственно то, что полезно для меня. Нравственно доносить, потому что доносительство может обеспечить мою личную карьеру. Нравственно тащить все, что угодно, с завода, колхоза, совхоза, потому что это приносит мне пользу. Нравственно обчитывать и обматывать, брать взятки и давать их... Отсюда оставался один шаг к тому, чтобы пустить в оборот и собственное тело или собственную душу, если кто-то за это заплатит.

Резко упавший за годы советской власти уровень культуры (нравственность есть лишь часть общей культуры человека), выразился в дикарском подражании наиболее доступным (то есть попросту худшим) образцам абсолютно чуждого нам, русским, иноземного поведения. Отсюда — прямое влияние прежде всего американского коммерческого кинематографа (который, кстати сказать, сама Америка не смотрит), и тяга к сильному раздражителю: алкоголь, курение, наркотики — все то, что воспринимается огрубевшей душой в качестве «шикарной жизни». Больше всего страдают от этого женщины, девушки и даже девочки, не понимающие, что они стали всего-навсего расхожим товаром.

Я искренне жалею «глиняных» женщин. Практически они никогда не создают семьи: рано или поздно Адам перешагивает через них в поисках Евы, сотворенной из его ребра. Евы всегда жертвуют, а «глиняные» — жертвы без награды и потому достойны как сожаления, так и глубокого сочувствия. Но сострадав им, поклоняюсь иным богиням. А поскольку литература для меня равнозначна реальной жизни, то как же мне не писать о женщинах? Ведь они-то и есть сама жизнь человеческая. И вся наша сегодняшняя общечеловеческая цивилизация, все, все, что придумали мужчины, — создано для них и только для них.

Беседу вела

Лариса АЛИМАМЕДОВА.

ВСЁ О ЕВЕ